

Окончание. Начало см. в № 30, 2001 г.

Ежи ЛУКАШ

Гауптман

Сценарий театрального зрелища

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Просцениум. Пауль угощает солдат папиросами. Подает им фляжку. Солдаты курят, пьют.

ВТОРОЙ СОЛДАТ (делает затяжку): Ты фашист?

ПАУЛЬ: Нет.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ: А кто ты?

ПАУЛЬ: Обираемый народ.

Солдаты громко смеются.

ВТОРОЙ СОЛДАТ: Пойдешь с нами в деревню? Победа! Надо отметить.

ПАУЛЬ: Граф меня не отпустит.

ВТОРОЙ СОЛДАТ: Как не отпустит?

ПАУЛЬ: Плохой граф. Плохой писатель. Все его пьесы плохие. Все его книги – говно.

ВТОРОЙ СОЛДАТ: Так уходи.

ПАУЛЬ: У графа жизнь интересная. Я напишу книги. Буду богатым.

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Гауптман и Маргарета сидят на софе у камина.

МАРГАРЕТА: И каков он?

ГАУПТМАН: Этот офицерик? Дельный. Знает мои произведения. Я наизусть не помню, а он цитирует целыми кусками. Был возмущен тем, что "Гануса" не понравилась в Нью-Йорке. Когда, говорит, мы устроим в Америке революцию, тамошние театры будут ставить только ваши пьесы. И Горького. Рассказывал, что в Москве билеты были проданы на год вперед.

МАРГАРЕТА: Ты нашел с ним общий язык?

ГАУПТМАН: Конечно, нашел. Но сначала было трудно. Он мне говорит: я дам вашему превосходительству железную охранную грамоту, от Сталина. А я его спрашиваю, смогу ли я написать Сталину письмо. Ха! Как это тебе нравится? С этой грамотой, говорит, ваше превосходительство не высеяет и ничной политике советов. Как я и думал. Мне будет посвящено одно из заседаний мирной конференции в Потсдаме. (Ударяет себя по колену, потом начинает массировать колени, лодыжки, ступни.) А какой шутник! Пьет, как лошадь. Говорит мне: вы получите железный лист, поскольку железный крест уже имеете. Я говорю: нет, не имею. А он: капитан и без железного креста? Ха-ха! Не может быть! Так разболтался, что мне пришлось поставить его на место. А когда я ему показал русские переводы, он прямо остолбенел. Забыл, что находится у меня на приеме. Так зачтался, что мне пришлось его окликнуть. Ах, говорит, извините, это настолько интересно, что не могу оторваться. Позвольте, ваше превосходительство, прочесть еще один акт. А я ему: я вам эти книги подарю. А он: но у меня уже все они есть. Только я давно не держал их в руках. Понимаете, война, ваше превосходительство! Ну, и тут мы начали беседовать о моих русских контактах. Всего я ему не сказал. Придержал в кармане козырного туза. Отложил его на сегодняшний вечер. (Маргарета начинает массировать колени Гауптмана.) А он вдруг ни с того ни с сего заявляет, что я знаю Россию только по книгам и письмам. На это я ему возразил, что знаю русские танцы. Он говорит: не верю. И тогда я ему станцевал.

МАРГАРЕТА: Да ведь ты же не ходишь.

ГАУПТМАН: Но я так разъярился, что станцевал. Я ничего не брал из книг, только из жизни.

МАРГАРЕТА: Ты танцевал перед советским солдатом?

ГАУПТМАН: Гретхен, ты ничего не понимаешь! Я ему показал, что старый Личирепа жив. Что нас не распоттали. Не вырвали из нас душу. Потом он упился, вытащил наган и говорит: забираю ваше превосходительство в Москву, в резиденцию НКВД.

МАРГАРЕТА: Они бы не посмели!

ГАУПТМАН: А я ему говорю: вы меня забираете на Лубянку, а я вас запираю в Визенштейне. Держу под интеллектуальным арестом.

МАРГАРЕТА: Он выходил отсюда прямой, как струна.

ГАУПТМАН: Потому что это сильный человек! Всегда только я не уступал русским за столом!

МАРГАРЕТА: А откуда ты знаешь русские танцы?

ГАУПТМАН: Меня научила одна русская балерина. Еще до того, как мы с тобой познакомились.

МАРГАРЕТА: Русская балерина...

ГАУПТМАН: Разумеется, между нами ничего не было. Она только показала мне шаг.

МАРГАРЕТА: И Гауптман заплесал...

ГАУПТМАН: Так, что чуть пол не проломил!

МАРГАРЕТА: Мы решили больше не возвращаться к этой теме.

вращаться к этой теме.

ГАУПТМАН: К моим танцам?

МАРГАРЕТА: К твоим танцам.

ГАУПТМАН (увлеченный собственными словами): У меня был роман с жизнью, Гретхен! Понимаешь? Я жил, жил по-настоящему! Работал, как каторжник, и веселился, как Дионис. И смотрел на этих пердунов вокруг, которые никогда по-настоящему не жили. Притворялись, что живут. Притворялись, что работают. Что любят, притворялись. Потому что либо притворяешься, либо живешь. Я жил. И любил. Да пускай сюда явится хоть маршал Берия с расстрельной командой, хоть целый батальон. А я рассмеюсь им в лицо. И даже обрадуюсь. Ведь что он может забрать на Лубянку? Меня? Я тут останусь, хоть меня и заберут. То, что пережито, вечно и неуничтожимо.

МАРГАРЕТА: Я попрошу Пауля, чтобы он проводил тебя наверх. Отдохни перед ужином.

ГАУПТМАН: Предпочитаю, чтобы он меня не трогал.

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Парк. Левая сторона просцениума. Маргарета сидит на скамейке. По тропинке вдоль террасы прогуливается Соколов.

СОКОЛОВ: Приятно снова вас видеть.

МАРГАРЕТА: Я рада, что вы не пренебрегли приглашением.

СОКОЛОВ: Это место возмущает, как глаз циклопа.

МАРГАРЕТА: На этот раз, надеюсь, вы не по службе.

СОКОЛОВ: В общем-то, по службе.

МАРГАРЕТА: Может быть, моя музыка позволит вам хоть на мгновение забыть о войне.

СОКОЛОВ: Рядом с вами можно забыть о войне и о целом свете.

МАРГАРЕТА: Я рада, что вы цените нашу тишину.

СОКОЛОВ: Такая тишина опасна. Тоска наваливается.

МАРГАРЕТА: Расскажите мне о России.

СОКОЛОВ: Вы видели, какая она красивая.

МАРГАРЕТА: Скажите, полковник, правды ли я, когда думаю, что на ее великих просторах бьется великое русское сердце.

СОКОЛОВ: Правильно. Это великая, несокрушимая страна. (Садится на скамейку.)

МАРГАРЕТА: Не смотрите на меня так. Я этого не люблю.

СОКОЛОВ: Разве на вас можно смотреть по-другому?

МАРГАРЕТА: Чехов. Я вижу, вы любите свою литературу.

СОКОЛОВ: Свою любовь. Вашей восхищаюсь.

МАРГАРЕТА: Иногда мне кажется, что Германия и любовь несовместимы. Можно только восхищаться. Даже когда приходит конец.

Слышно пение Пауля.

СОКОЛОВ: Россию любишь, когда тишина. Страна огромная, тишина глубокая. А когда идет война, Россией можно восхищаться. Ну, и любить. Ведь кто-то должен за нее погибать. Нельзя жертвовать жизнью ради восхищения.

МАРГАРЕТА: Можно.

СОКОЛОВ: Молчу.

МАРГАРЕТА: А Пауль поет. Пауль, этот поганец. Наша опора.

СОКОЛОВ: Каждая опора рушится. Все можно разрушить. Особенно тогда, когда мы уверены, что нельзя. Внешне ничего не меняется. Люди работают, влюбляются. Солдаты следят за порядком, писатели пишут. А все уже другое. Как будто людям подменили сердце. Если в человеке сидит дьявол, то в нем пробуждается ангел. Если сидел ангел, просыпается бес. Вчера ты верил в Бога, а сегодня веришь в сатану. Или наоборот. Вчера был верным, а сегодня предаешь. Вот что значит новая сильная власть.

МАРГАРЕТА: Есть более сильная власть. Власть спокойствия.

СОКОЛОВ: Вы так говорите, потому что не были в Одессе, в семнадцатом. Вы слышали о лестнице? Эту лестницу везде показывали в кино. Власть делается не на лестнице. Власть действует под лестницей. Все происходит ночью, в подвалах, в лесах.

МАРГАРЕТА: Молчу.

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Столовая. За столом сидят Соколов. В камине пылает огонь. Гауптман направляется к столу, Пауль идет рядом, но Гауптман к нему не прикасается. Пауль выходит и закрывает за собой дверь. Гауптман и Соколов сидят у противоположных торцов стола. На столе много изысканных блюд.

СОКОЛОВ: Хорошая земля – Силезия. И еда хорошая. Я чувствую себя, как в одесском ресторане перед войной.

ГАУПТМАН: Я тоже.

СОКОЛОВ: Странный вы человек. Вы в своем доме. Как раньше.

ГАУПТМАН: Дом – странное слово. Там, где мой дом, я не у себя.

СОКОЛОВ: Земля принадлежит всем людям. Тем, что имеет, она делится со всеми.

ГАУПТМАН: Запасы кончаются. (Поднимает бокал.) За здоровье непобедимой Красной Армии и ее гениального вождя Иосифа Сталина.

Соколов пьет стоя.

ГАУПТМАН: Войне конец. Ваша жена радуется. Вы ей писали письма?

СОКОЛОВ: Как не радоваться. А я писал рапорты и заодно ей.

ГАУПТМАН: В России красивые женщины. Нигде нет таких красивых женщин, как в России. Я им поклонялся.

СОКОЛОВ: У писателя такая жена, а он писал о русских женщинах?

ГАУПТМАН: Я с ними танцевал. Некогда было писать. Жена. Обязанности.

СОКОЛОВ: У нас сейчас столько вдов.

ГАУПТМАН: Россия – превосходная фабрика вдов. Немецких.

СОКОЛОВ: Немки тоже красивые женщины.

ГАУПТМАН: А полк вы видели?

СОКОЛОВ: Да вы гурман.

ГАУПТМАН: Гурман. Но тсс... (Понижает голос.) В этом доме у стен есть уши.

СОКОЛОВ (ест и пьет): Не беспокойтесь. Перед вами политработник.

ГАУПТМАН (смотрит на расставленные перед ним салатницы и тарелки. Не прикасается ни к еде, ни к напиткам): У меня в доме имеют место особая чувствительность и обостренное внимание к российским вкусам.

СОКОЛОВ: А над чем вы работали в последнее время?

ГАУПТМАН: В последнее время я написал несколько прошений о снижении налогов.

СОКОЛОВ: Теперь уж некому взимать налоги.

ГАУПТМАН: Всегда есть кто-то, кто взимает налоги.

СОКОЛОВ: Советская власть не взимает. Советская власть отбирает все. Чтобы разделить поровну, конечно. Разве что может сделать исключение для великого писателя.

ГАУПТМАН: Великого денацифицированного писателя.

СОКОЛОВ: Это самое главное. Вы избежите крупных неприятностей.

ГАУПТМАН: Чем больше я хотел избежать крупных неприятностей, тем глубже в них увязал. Так было перед Великой войной. Я заступался за народ, а в рейхстаге вопили: арестовать этого социалиста! Вильгельм Второй в знак протеста после моей премьеры отказался от царской ложи в "Немецком Театре". А я знаю вкус нищеты. Дом я купил потом. И жена с приданным подвернулась. Не эта, предыдущая. После Нобелевской премии. Господин полковник знает, что такое Нобелевская премия? Буржуазная награда, манипулируемая империалистами.

После Нобелевской премии, которой я вовсе не желал, коллеги-писатели потеряли дар речи. Я стал самым крупным немецким писателем. Был только я. Самый ненавидимый писатель из всех. Телефонные звонки, приглашения на чай, милые беседы, – все кончилось. Началось почтание. Все разбежались. Разбежались, чтобы оплывать меня по углам. Ведь дед мой был ткачом. Один описал меня в романе и с таким упоением изобразил сумасшедшим, что и сам получил эту буржуазную награду. За что они все так меня возненавидели? Потом пришел Гитлер. С момента прихода к власти этого субъекта...

СОКОЛОВ: Военного преступника!

ГАУПТМАН: ...тиражи моих книг снизились

на восемьдесят процентов. И знаете, что произошло? Я сказал да. Но и сказал нет. У марксистов я научился диалектике. Сказал да и нет. Одновременно да и нет. Некоторые объявили меня писателем режима. Хотя я не написал ни единого слова, от которого стал бы сейчас отрекаться. В общем, буркнул кое-что себе под нос. Потому что я был учтив! Слишком хорошо воспитан! Ну, и остался в стране, в которой управлял этот мерзавец.

СОКОЛОВ: Самый худший из мерзавцев!

ГАУПТМАН: Этого мне тоже не простили. Я не поехал в Швейцарию, как Томас Манн. Он-то мог таскаться по дешевым отелям и волшебным горам. Но не я! И начались разговоры: Гауптман – свинья. Выслуживается перед нацистами. Ходит на свои премьеры. Пожимает руку разным гауляйтерам. Геббельс его хвалит. Свинья Гауптман в Бреслау принимает перстень от Гитлера. Имеются фотографии. Впрочем, у вас они конечно есть. И все правда. Только разве это был я? Я был где-то еще. Был здесь, в горах. Был на своем острове в Балтийском море. И в Италии. Знаете, удирать в Италию – лучший способ выживания. Меня научил этому Гете. Кусают тебя, затягивают петлю на шею? Надо ехать в Италию! С домашней настойкой. А вы знаете, что Гете пил красное вино еще до завтрака? По возвращении все уже выглядит иначе.

СОКОЛОВ: Но книги ваши хвалили.

ГАУПТМАН: Хвалили, как же! Обливали грязью. Чем лучше книга, тем больше брызгали слюной. Золя для бедных. В его пьесах все написаны. Отец совращает дочь. Это театр – или бордель? С добрыми словами я обращался только к горам. И только горы отвечали мне добрым эхом. Потому и остался. Со мной разговаривали только горы. Ну, и моя жена. Они не брезговали. Не завидовали. Они и так были выше меня.

СОКОЛОВ: Вы знаете, что произошло с Осецким и другими?

ГАУПТМАН: Для чего вы мне это говорите? **СОКОЛОВ:** У вас много честных писателей были посажены в тюрьму.

ГАУПТМАН: Выпьем за искусство.

СОКОЛОВ: За свободу! (Пьет.)

ГАУПТМАН (пьет, задумывается): Крепкая эта ваша лубянка... Вы ведь из Одессы, господа полковник? Вы должны были знать тамошнего купца Бабеля. Мы ему продали страдивари моей жены. У него был сыночек, Исаак. Он собирался стать скрипачом, а стал писателем. Сынок присылал мне превосходные рассказы. Последнее письмо от него пришло пять лет назад, из тюрьмы. Он всегда хотел быть музыкантом. Его новеллы были как этюды, сыгранные на "страдивари". Потом уж не писал. Не знаете ли вы, что произошло со скрипкой?

СОКОЛОВ: Скрипка в хороших руках. Наша власть заботится об искусстве.

ГАУПТМАН: А что вам сделал Бабель? Он и солдатом был хорошим. Вы даже не дали ему дожидаться Сталинграда.

СОКОЛОВ (смущен): Советское государство не кается ни перед каким трибуналом совести. И уж простите, не в стране, загаженной этим нацистским дерьмом.

ГАУПТМАН: Но мой дом высоко. Понимаете? Визенштейн – камень на лугу. Это был ковчег, плывущий по морю дерьма. А я был Ноем. Здешняя земля пережила все. Теперь переживает вас.

СОКОЛОВ: Эта земля заслуживает новых порядков.

ГАУПТМАН: Коммунизм в горах? Извините, товарищ полковник, горы принадлежат Богу.

СОКОЛОВ: Если генералиссимус прикажет, камни запоют Интернационал.

ГАУПТМАН: У вас есть кое-что получше! (Завывает военную песню "Вставай, страна огромная!". Соколов вторит.) Это лучше, чем Ода к радости в финале Девятой симфонии. Жаль, что Бабель не пел ее в ваших шеренгах.

СОКОЛОВ: Вы, германцы, странный народ. Уничтожаете полмира, а все толкуете об одном Бабеле, убитом в Крыму. Я в штабе Рокоссовского разговаривал с вашими капитанами. Тоже чувствительные люди из страны философов и поэтов.

ГАУПТМАН: Гауптман один.

СОКОЛОВ: И, к счастью, жив.

ГАУПТМАН: Знаете что. Может быть, я и не хозяин, как прежде. Водка ваша. Но хочу выпить с вами за человека, которого ценим мы оба. За упокой души Горького!

СОКОЛОВ: Горький отзывался о вас не лучшим образом.

ГАУПТМАН: Гауптман один.

СОКОЛОВ: И, к счастью, жив.

ГАУПТМАН: Знаете что. Может быть, я и не хозяин, как прежде. Водка ваша. Но хочу выпить с вами за человека, которого ценим мы оба. За упокой души Горького!

СОКОЛОВ: Горький отзывался о вас не лучшим образом.

ГАУПТМАН: Гауптман один.

СОКОЛОВ: И, к счастью, жив.

ГАУПТМАН: Знаете что. Может быть, я и не хозяин, как прежде. Водка ваша. Но хочу выпить с вами за человека, которого ценим мы оба. За упокой души Горького!

СОКОЛОВ: Горький отзывался о вас не лучшим образом.

ГАУПТМАН: Гауптман один.

СОКОЛОВ: И, к счастью, жив.

ГАУПТМАН: Знаете что. Может быть, я и не хозяин, как прежде. Водка ваша. Но хочу выпить с вами за человека, которого ценим мы оба. За упокой души Горького!

СОКОЛОВ: Горький отзывался о вас не лучшим образом.

ГАУПТМАН: Гауптман один.

СОКОЛОВ: И, к счастью, жив.

ГАУПТМАН: Знаете что. Может быть, я и не хозяин, как прежде. Водка ваша. Но хочу выпить с вами за человека, которого ценим мы оба. За упокой души Горького!

СОКОЛОВ: Горький отзывался о вас не лучшим образом.

ГАУПТМАН: Гауптман один.

СОКОЛОВ: И, к счастью, жив.

ГАУПТМАН: Знаете что. Может быть, я и не хозяин, как прежде. Водка ваша. Но хочу выпить с вами за человека, которого ценим мы оба. За упокой души Горького!

Лукаш Ежи

169

ГАУПТМАН: Макс? Вот сукин сын! (Пьет.) Я вам кое-то покажу. (Зовет.) Пауль! Входит Пауль.

ГАУПТМАН: Подай господину полковнику письмо от Горького.

Пауль подходит, останавливается тут же, рядом с Гауптманом, вынимает из ящика стола письмо, подает Соколову, выходит.

ГАУПТМАН: Горький написал мне в двадцать втором году. Потом отравился... Черт знает чем. Вы читайте.

СОКОЛОВ (пробует прочесть): Почерк неразборчивый.

ГАУПТМАН: Горький просил о хлебе для расцветающего Советского Союза. Я раздобыл для вас хлеб, обратившись к немецкому президенту. Ведь Россия, да будет вам известно, моя вторая родина. Россия — это страшный и сладкий сон немцев. А я знаю русскую литературу, как никто в Германии. Толстой для меня высший образец. Чехов мой собрат по перу.

СОКОЛОВ: Читал, читал...

ГАУПТМАН: Я уж не говорю о Горьком. Хотя у меня более разборчивый почерк. И я больше социален, чем все они. А известно ли вам, господин полковник, что мои сочинения, еще не изданные в Германии, можно было купить в Москве и Петербурге?

СОКОЛОВ: Это при царе. Об этом тоже есть у меня в бумагах.

ГАУПТМАН: Но цензура их сильно изуродовала. Выпали самые социальные куски. Вам должно быть известно, что на языке Ленина обо мне было написано девять книг. Четыре кандидатские диссертации в Москве, две докторские в Ленинграде. Нет только книги о моей жизни. Иногда во сне я вижу все по-русски. Танцую русские танцы с русской балериной. Пью стаканами водку. Иногда, проснувшись, чувствую себя русским.

СОКОЛОВ (он немного перебрал): Поэтом надо вас сохранить. Ведь знаете, что говорят в Кремле. (Доверительно.) Хотят сделать из вас народ для черной работы.

ГАУПТМАН: А мы всегда им были. Кто удобрал поля истории? Ведь войны — это как бури и штормы. Никто их не хотел, приходилось воевать немцам.

СОКОЛОВ: Жратвы положат только, чтоб не перемерли. Германию будут писать с маленькой буквы.

ГАУПТМАН: Это какая-то новая версия коммунизма. Социальный слой невольников? Ох, полковник! Ленин в гробу переворачивается.

СОКОЛОВ (покровительственно смеется): Какой знаток Ленина! Немецкий граф Гауптман!

ГАУПТМАН (осушает до дна бокал коньяку): Ленин был неплохим знатоком Гауптмана.

Напряженная пауза.

СОКОЛОВ (заинтригован): Как это — знаток вас?

ГАУПТМАН: "Ткачи" были его любимой пьесой. Ленин был от нее в восторге. Он писал, что восстание моих ткачей в 1844 году послужило примером для его революции. Читал "Ткачей" Надежде Крупской на сон грядущий. Вы, господин полковник, интересовались письмами Гитлера. У меня их нет. Зато есть письмо Ленина, в котором он выражает мне свою признательность.

СОКОЛОВ: Письмо самого Ленина? У вас?

ГАУПТМАН: Да, самого Ленина. У меня.

СОКОЛОВ: Так бы сразу и сказали. Покажите.

ГАУПТМАН (звонит): Пауль!

Входит Пауль, подходит к Гауптману, не дожидаясь приказа, вынимает из-под тарелки письмо. Подходит к Соколову, подает письмо.

СОКОЛОВ: Настоящее? (Обиженно.) Так вот, под тарелкой?

ГАУПТМАН: Под тарелкой как в скинии.

Соколов благоговейно раскладывает страницы письма, читает.

СОКОЛОВ (бурчит себе под нос): Надо же... твою мать!

ГАУПТМАН: Я знал, что только вы меня оцените! Тут все обо мне забыли. Вы, господин полковник, напомнили мне, какой я великий писатель. (Расчувствовался, чуть не плачет.)

СОКОЛОВ: Теперь нам нужна великая литература.

ГАУПТМАН: Теперь нужны Гете и я.

СОКОЛОВ (продолжая читать): И Ленин. Какой почерк разборчивый.

ГАУПТМАН (расслабился): Ах, Гете, Гете... Знаете, что меня в нем действительно восхищает? Что он был ужасный бабник. До восьмидесяти. Когда он умирал, ему было столько лет, сколько мне сейчас. Мне тоже пора. (Доверительно.) А как там у Ленина? Он мог или не мог?

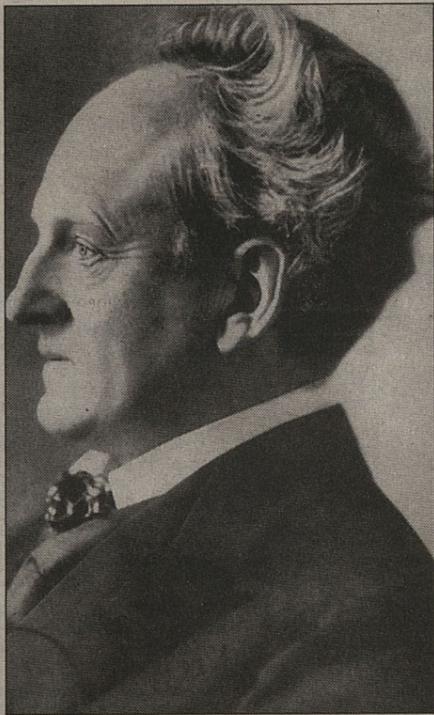
СОКОЛОВ (смущен): Ленин был исключительным во всех отношениях.

ГАУПТМАН: Ленин, Ленин... (Беззаботно.) Он не сыграл никакой роли в моем искусстве, но сыграет в моей жизни. Не Рокоссовский, не Жуков. Даже не Сталин. Ленину я буду обязан жизнью! (Ворчливо.) И смертью.

СОКОЛОВ (прочит и старательно сложив письмо): При моем скромном участии, с разрешения господина полковника.

ГАУПТМАН: Совсем не таким уж скромным. Я убежден, что, относясь ко мне с пониманием, вы исполняете желание самого великого Ленина.

СОКОЛОВ (не произнося тоста, осушает бокал. Торжественно): Я пил за ваше здоровье, маэстро. Собственно, так и следовало обращаться к вам с самого начала. Представлю в штаб рапорт, что мнение о вашем сотрудничестве с главарями Третьего рейха было глубоко

ошибочным. И что недооценка вашего вклада в международную классовую борьбу явилась бы грубым политическим просчетом.

Входит Маргарета со скрипкой в руках.

МАРГАРЕТА: Я не помешала?

СОКОЛОВ (встает): Что вы. Мы ждем вас. Вы обещали сыграть.

МАРГАРЕТА: Скрипка уж не та. Но попробую.

Маргарета стоит у фортепьяно и играет. Повторяется мелодия первых сцен. Исполнение несовершенно, но в нем чувствуется бывшее мастерство. Соколов и Гауптман заслушались. Узнав популярный мотив песенки "Ах, мой милый Августин", Соколов вскакивает с места, садится за фортепьяно и начинает аккомпанировать. Гауптман аплодирует, кричит "Браво!", смеется, плачет.

СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ

Пустая корчма под утро. Правая сторона процениума. Пауль и Солдаты. Пауль ласково хлопает по щеке Первого солдата.

ПАУЛЬ: Я себя чувствую как в раю.

ВТОРОЙ СОЛДАТ: Ты пей. (Наливает Паулю.)

ПАУЛЬ (со стаканом в руке): За освобождение!

ВТОРОЙ СОЛДАТ (поет советскую военную песню): Ну что, комиссар?

ПАУЛЬ (он пьян): Это я написал все эти книги! Он таскался по бабам, а я шасть к конторке. Раз — и "Гануся"! Он после завтрака, пьяный, претя в горы, а я — два! И "Еретик из Соаны". Он мне из кресла бормочет какие-то глупости, а я — три! "Ткачи". А уж как он измывался над своими героями! Только я их — спасал. Знали бы вы, что он заставил вытворять одного извозчика! И все это было напечатано. А он читал и не помнил, что всех подряд уморил голодом. А уж как выхвалялся! Получал награды. А меня только палкой охаживал. Да если б я не исправлял бормотанья, которое он велел за ним записывать, его книжки не стоили бы ломаного гроша. Если б я не подкинул ему диалогов, ни одна собака в театр не заглянула бы. (Срыгивает.) Я ему покажу! Теперь тут будет коммунизм. Он у меня по струнке будет ходить, старый пьяница. Дай автомат! (Берет автомат, стреляет в потолок.) Смерть буржуазии! Мы эти книжки перепишем! На всех языках мира! Мы исправим судьбу несчастных бедняков!

СЦЕНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Гауптман и Маргарета в кухне, у печки. Из окна вид на Карконоше. Гауптман после ужина очень оживлен.

ГАУПТМАН: Я показал ему благодарственное письмо за жратву для голодающих Советов. Говорю тебе, он аж побледнел, когда увидел собственноручную подпись Ленина.

МАРГАРЕТА (расчесывает распущенные волосы): Некоторые бумаги страшной нацеленных автоматов.

ГАУПТМАН: Не забывай, на этих читателей нацелены свои автоматы.

МАРГАРЕТА: Надеюсь, он не реквизирует письмо.

ГАУПТМАН: Ему пришлось его забрать как обоснование для охранной грамоты.

МАРГАРЕТА: Но ведь он его отдаст? Ты показывал его даже императору.

ГАУПТМАН: Вот видишь! Разве культура не выше всех преходящих бурь? Может быть, весь этот сыр-бор — просто банальный эпизод получения письма от читателя. Или читательского визита. Разве так уж важно, что я поддерживал Третий рейх, а он его разгромил? Читатель сбрасывает все костюмы.

МАРГАРЕТА: Он мог бы сбросить свой мундир.

ГАУПТМАН: Я когда-то хотел написать пьесу о читателе. Но в ней было бы слишком много голых персонажей.

МАРГАРЕТА: Наверное, плохо читать в мундире.

ГАУПТМАН: Как ты думаешь, ему бы пошла тужурка?

МАРГАРЕТА: В тужурке он скоро представит перед женой.

ГАУПТМАН: Он давно ее не видел. (После паузы.) Интересный мужчина, да?

МАРГАРЕТА: Интересный, красивый.

ГАУПТМАН (с обидой): Но ты не должна была с ним танцевать.

МАРГАРЕТА: Ты танцевал перед ним, а я с ним.

ГАУПТМАН: Я наврал тебе про этот танец, я его вообразил.

МАРГАРЕТА: Танец — это так невинно. Игра воображения.

ГАУПТМАН: Он тебя обнимал, я видел.

МАРГАРЕТА: Но согласишься, не так, как Красная Армия тискает женщин на освобожденных землях.

ГАУПТМАН: А ты забрасывала руки ему на шею.

МАРГАРЕТА (задумчиво): А Гретхен танцует...

ГАУПТМАН: Мне хотелось встать и указать ему на дверь.

МАРГАРЕТА: А он бы тогда забрал тебя на Лубянку. Сам же говорил, что он тебе угрожал.

ГАУПТМАН: Я наврал.

МАРГАРЕТА: А еще что наврал?

ГАУПТМАН (в ярости): Все. Вся моя жизнь с какого-то момента была враньем. Моя страстная любовь к жизни — сплошное вранье. Все мне обрыдло. А слуги как раздражали! Я даже кофе не мог получить тогда, когда этого требовал мой организм. Мне хотелось утку в тесте, а принесли овсяные хлопья, а если мне хотелось хлопьев, подавали утку. В сущности, я ненавидел жизнь так же, как ненавидел бедность. Я ненавидел свое богатство, ведь оно было лишь оборотной стороной моей бедности. Даже приказал намалевать в холле эту пошловатую фреску, чтобы высмеять свое благополучие. Мне осточертело притворство. Я надо всем издевался. И над собой. И получал за это награды. И то, что с каждым годом становился все больше похожим на Гете, и в конце концов стал больше похожим на Гете, чем он сам в старости был похож на себя, — тоже издевка. Я подражал Гете. А Пауль подражал мне. Пьяницы из верхней деревни подражали Паулю, а я описывал этих пьяниц. И значит, каждый раз ко мне возвращалась какая-то уродливая версия самого себя. До чего же тоскливо! Я ненавидел сочинительство, ненавидел эти горы, сидел тут из-за ненависти к своей ненавистной мазохистской природе! Ненавижу Визенштейн. Ненавижу Германию, потому что она меня ненавидела! Ненавижу русских, потому что они убили Бабеля! (Переводит дыхание.) А страдивари велел продать, потому что мучительно было вспоминать русскую балерину. (Начинает массировать колено.) Ну, и ко всему этому Карл. Он писал лучше, чем я, мне до него как до неба.

МАРГАРЕТА (в ярости): Он тебя не читал!

ГАУПТМАН: Кто?

МАРГАРЕТА: Соколов. Он врал.

Маргарета выходит, хлопнув дверью.

ГАУПТМАН (один): Пора кончать комедию. (Пробует подняться с кресла, зовет.) Пауль! (Тишина.) Пауль!!! (Долгая тишина.)

СЦЕНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Верхний этаж виллы. Гауптман медленно идет вдоль балюстрады, то и дело останавливаясь и хватаясь за перила. В опущенной руке он держит пистолет. Входит без стука в гостиную. В комнате сидит Соколов, в расстегнутом мундире, после ужина. Гауптман садится в кресло напротив Соколова.

ГАУПТМАН: Соколов, ты знаешь, у меня была жизнь, которой я горжусь. Больше, чем

своими сочинениями. Эта жизнь кончается. Но я не хочу, чтобы она кончилась кое-как. Пока я не подою в муках, пока меня не зарезали местные бандиты, пока Пауль не свернул мне шею, застрелил меня. Прошу тебя об этом. Я принес свой револьвер. Скажешь в штабе, что старикан сам себя прикончил. Из-за старости. И с отчаяния. И никаких хлопот. Я хочу, чтобы ты меня застрелил. Пусть русский полковник убьет немецкого капитана. Я всегда заботился о логике в своей жизни. Пожалуйста, застрели. Тогда ты и в самом деле меня спасешь.

Гауптман протягивает Соколову пистолет. Соколов берет его в руку, прицеливается в голову Гауптмана. Прицеливает языком, имитируя выстрел. Опускает оружие. Начинает смеяться. Смеется, сперва истерически, потом чуть не плача, потом весело.

Соколов (noem): O, mein lieber Augustin, Augustin, Augustin, O, mein lieber Augustin, alles ist aus!

Соколов заходится смехом. Смех Соколова раздается в холле, в парке вокруг Визенштейна, в горах.

СЦЕНА ДВАДЦАТАЯ

В холле дома Гауптманов, улыбающиеся и непринужденные, стоят: Гауптман (опираясь на палку), Маргарета и Соколов. У входных дверей дежурит Пауль.

СОКОЛОВ: Благодарю вас за гостеприимство. Через час меня хватят в штабе. А у вас время как бы остановилось. Мало есть мест, где Россия сегодня может разговаривать с Германией.

ГАУПТМАН: И танцевать.

СОКОЛОВ: Это был в самом деле незабываемый вечер. (Процедается, обмениваясь рукопожатием с Маргаретой и Гауптманом.)

ГАУПТМАН: Для нас также.

МАРГАРЕТА: И для нас.

СОКОЛОВ (окинув взглядом холл): Пусть тут все так и остается. Как можно дольше.

Соколов надевает фуражку. Выходит. Двери ему открывает Пауль. Пауль закрывает двери за Соколовым.

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

За стеклом в холле лицо Пауля. Пауль оживлен. Он примеряет перед зеркалом пилотку, подаренную ему Вторым солдатом. Слышно, как он напевает: Вставай, страна огромная.

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Стук во входную дверь. На пороге Уполномоченный, с папкой в руке и прижатой к груди шляпой, как в Первой сцене.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ: Ну, наконец-то! Господин Кароль! От имени временного правительства приветствую вас на исконно польской земле. Позвольте выразить вам наше уважение и предложить всяческую помощь.

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Гауптман и Маргарета позируют для супружеской фотографии. Фотографирует Пауль. Рядом с ними становится Соколов. Пауль делает снимок.

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

За пустым столом, за которым шла беседа, сидит с книжкой в руках Первый солдат. Сидит не по-солдатски, положив ногу на ногу. Читает. Звучит фрагмент стихотворения Герхарта Гауптмана по-польски и по-русски.

Не знаешь, кем был ты в прежнем рожденье. Не знаешь цены своего воскресенья. Нет больше боли, страха, страданья. Ты — есть. И значит, настал час прощанья. И значит, тебе умереть не дано и жизнью за жизнь заплатить суждено.

ТИТР НА ЗАНАВЕСЕ:

Герхарт Гауптман умер через год в своем доме в Ягненткуве. Его тело и имущество семья перевезла специальным поездом, предоставленным в ее распоряжение военной администрацией, в селение Хиддензее, где Гауптман и был похоронен. Полковник Соколов произнес прощальное слово над гробом писателя.

Конеч Михаловице — Вроцлав, январь-февраль — июль 2001.

Перевод Эллы ВЕНГЕРОВОЙ